

СОЧИНИТЕЛЬ ТАНЦЕВ

Штрихи к портрету молодого балетмейстера Георгия Алексидзе

Пожалуй, ни в одном виде творческой деятельности ответственность не выступает так наглядно, как в искусстве сочинения танцев. Поэзия и драматургия линий, возникшая в творческом воображении одного балетмейстера, передается другому через живое исполнение.

Потому, наверно, так важно, что наставником Георгия Алексидзе в искусстве был Федор Васильевич Лопухов — человек удивительной судьбы, проживший в искусстве балета долгую творческую жизнь, участник последних премьер М. Петипа и первых опытов М. Фокина, свидетель всех исканий советского балета.

В 1972 году молодому балетмейстеру было предложено возглавить балетную труппу Тбилисского театра оперы и балета имени З. Палиашвили. Создаются спектакли на музыку современных грузинских композиторов. В «Берикаоба» Б. Кавернадзе на балетную сцену впервые выходят традиционные персонажи старинного народного действа — театра бериков. В сочетании неожиданных музыкальных ритмов и ярких костюмов, в сложном синтезе традиционных движений классического танца и элементов народной хореографии на балетной сцене возникает поэтическое зрелище, родственное по духу грузинским праздничным играм. В значительной мере национальным же своеобразием отмечена и трактовка мифологических сюжетов в «Античных эскизах» — цикле хореографических миниатюр, сочиненных Г. Алексидзе в сотрудничестве с композитором С. Цинцадзе. И, наконец, «Хореографическая сюита» на музыку О. Тактакишвили воскрешает в танцевальных образах поэтические народные обычаи.

Одновременно со спектаклями на современную грузинскую музыку место в реперту-

аре занимают и балеты на музыку Баха, Моцарта, Шопена, Прокофьева. Алексидзе подчеркивает то вечно современное, что роднит классику с сегодняшним днем.

Московские любители балета познакомились с этим своеобразным балетмейстером сравнительно недавно. Во время кратковременных гастролей Тбилисского театра оперы и балета на столичной сцене московские зрители увидели «Чакону» на музыку Баха, шопеновские «Вариации на тему Моцарта», несколько фрагментов из «Античных эскизов» Цинцадзе и «Хореографической сюиты» Тактакишвили. Однако и эта небольшая программа позволяла заметить своеобразие балетмейстерского стиля.

Лаконизм его исключает монотонность, намеренные повторы, длительные пластические паузы и тем не менее позволяет в полной мере почувствовать яркость сценического образа. Всего несколько минут длится «Плач о погибшем герое» О. Тактакишвили, но в памяти остаются и неподвижные, словно обугленные, фигуры плакальщиков, и, словно бы взнесенная на постамент скорби, светлая фигура Героя, и безутешная печаль склонившихся перед ним женщин. Точно так же в миниатюре «Нарцисс», которую с большим успехом исполнил ведущий танцовщик театра З. Амонашвили, зритель успевает оценить и необычный хореографический язык и пережить вместе с героем его трагедию. Алексидзе ничего не «изобретает» ради одной лишь новизны: пластика у него всегда продиктована музыкой и сценическим образом. И в каждой его композиции, как бы ново и необычно она ни звучала, ощущается уважительное осознание всего лучшего, что есть в хореографии прошлого.

Е. ГРИШИНА.